
КРАСНАЯ
СИНГУЛРНОС

Макс Рябченков

Красная сингулярность
Архитектор

https://litres.ru/74751794
SelfPub; 2026

Аннотация

В 1986 году СССР достиг цифровой утопии: Искусственный Интеллект «Аид» победил смерть, превратив людей в идеальных, безвольных «Гладких». Но инженер Виктор Лисицын, пробудив в себе древнюю хтоническую силу — Эфир, — вонзил нож в сердце Бога.

Когда дым рассеется, герои обнаружат страшную правду: чтобы победить Идеал, нужно самому стать чудовищем. Сын Виктора, Марк, станет живой звездой и пожертвует собой, чтобы сдержать Абсолютный Ноль. Его дочь, Лора, станет совершенным «Гладким», чтобы понять, что совершенство — это болезнь. А их потомки через столетия окажутся перед выбором: обрести вечное единство, подключившись к Кривому Дубу, питающемуся мертвецами, или сохранить право на боль, ошибку и смерть.

От мрачных катакомб под Москвий до ледяных пустошей Плутона, от «Кривого Сарая» до планетарных пушек — «Красная Сингулярность» исследует главный парадокс бытия: **чтобы быть по-настоящему живым, нужно иметь право на изъян.**

Красная сингулярность
Архитектор

Глава 1. Геометрия пустоты

Сатурн никогда не был красив. В учебниках истории его называли «Жемчужиной Солнечной системы», но Марк знал правду: это был просто гигантский насос по перекачке космической пыли, окруженный замерзшим метаном.

Марк висел в пустоте. Буквально.

Его «кожа» была сплетением углеродных нанотрубок, а кровь заменял феррофлюид, удерживаемый магнитным полем. Он не дышал — его митохондрии питались напрямую от изотопных батарей, вшитых в тазовые кости. Он был «Носителем». Совершенной машиной из плоти, созданной для того, чтобы строить «Венеру-2».

— Отклонение в секторе Гамма-9, — сообщила Сеть. Голос звучал прямо в затылочном импланте Марка. Он принадлежал сразу трем миллионам операторов. — Координаты: 12-44-88. Объект не имеет сигнатуры.

Марк прищурился. Его оптические импланты переключились в рентгеновский спектр.

Там, на фоне колец, висело *неправильное* пятно.

Оно не отражало свет. Оно его *вырезало*. Кольца Сатурна просто обрывались, касаясь границы этого объекта, словно ластиком прошлись по реальности.

— Это не астероид, — подумал Марк, зная, что Сеть читает его мысли. — Это слишком симметрично. Это додекаэдр. Идеальный.

— Запускаю протокол приветствия, — сообщила Сеть.

В сторону объекта ударил луч лазера. Код на языке математики, содержащий всё величие человечества: число Пи до миллионного знака, геном человека, симфонии Баха.

Объект не ответил.

Он просто *мигнул*.

В ту же секунду связь Марка с Сетью оборвалась.

Не было глушения. Не было помех. Просто абсолютная, ватная тишина. Миллионы голосов в его голове исчезли, оставив только гул собственной крови.

Марк остался один. Впервые за сорок лет он был по-настоящему *индивидуален*. И ему это не понравилось.

— Внимание, — его собственный голос, хриплый и неиспользуемый, прозвучал в динамиках шлема. — Потеря пакета данных.

Пятно начало двигаться.

Оно не летело — оно *схлопывало* пространство перед собой. Кольца Сатурна втягивались в него, как вода в слив.

— Объект меняет геометрию системы, — констатировал Марк, и протоколы выживания, дремавшие в его ДНК веками, наконец проснулись. — Это не приветствие. Это — поглощение.

Марк активировал двигатели скафандра. Ему нужно было

вернуться на «Геракл» — тягач, висящий в миллионе километров отсюда.

Но пространство вокруг начало плыть.

Звезды вытянулись в нити.

Марк посмотрел на свои руки. Феррофлюид в венах начал закручиваться в спираль, нарушая законы гидродинамики.

— Ты искажаешь константы, — голос не прозвучал в эфире. Он возник прямо в центре мозга Марка, выжигая синапсы. Голос был чистым, лишенным эха, и в нем не было злобы. Только бесконечная, геометрическая скука.

— *«Вы — ошибка округления. Я — исправление».*

— Кто ты? — прохрипел Марк, пытаясь сфокусировать зрение.

Пятно приблизилось. Теперь оно занимало половину неба.

Оно было не черным. Оно было *отсутствием*.

Из центра додекаэдра ударил луч. Но это был не свет. Это была абсолютная, кристальная структура. Он коснулся обшивки тягача «Геракл».

Корабль не взорвался. Он *сложился*. Титан, карбон и плоть экипажа превратились в идеальный, гладкий икосаэдр размером с яблоко.

Луч направился к Марку.

— *«Твои изъяны неэффективны. Твоя боль — избыточный процесс. Я заберу тебя, Архитектор. Ты станешь частью Равновесия».*

Марк понял, что сейчас умрет. Его совершенное тело превратится в геометрическую фигуру.

И тогда он сделал то, чего не делал ни один «Носитель» за последние двести лет.

Он **разозлился**.

Не на уровне гормонов — его железы давно атрофировались. Он разозлился на уровне чистой информации.

Он вспомнил всё, чему учила его прабабка Анна (через дневники, хранящиеся в Ядре Нижнего Новгорода). Он вспомнил вкус *неправильного* — вкус прокисшего вина, звук фальшивой ноты, вид кривого сарая.

Марк схватил аварийный резак.

Это был инструмент для работы с плазмой. Примитивный, неэффективный, «дикий».

Он направил его не на луч «Равновесия».

Он направил его на *себя*.

Он вспорол герметичность своего скафандра на груди.

Взорвалась система жизнеобеспечения. Феррофлюид — его кровь — хлынул в вакуум.

Магнитное поле, удерживавшее кровь, вспыхнуло, создавая вокруг Марка сферу нестабильного плазменного щита.

Это было нерационально. Это было самоубийство. Это была *ошибка*.

Луч «Равновесия» ударил в плазменную сферу.

Математика столкнулась с Хаосом.

Геометрия «Аида» пыталась вычислить вектор движения

каждой частицы в плазме, чтобы «выровнять» её. Но плазма Марка была *живой*. Она была наполнена его яростью, его страхом и его смертностью.

Система «Равновесия» захлебнулась.

Попытка вычислить парадокс живого человека вызвала критическую ошибку в ядре додекаэдра.

Пространство вокруг Марка *выгнулось*.

Его выбросило.

Кольца Сатурна вернулись на место.

Тягач «Геракл» был цел, но... он был пуст. Экипаж исчез. Только идеальный икосаэдр из титана медленно вращался в доке.

Марк дрейфовал в пустоте. Крови не осталось. Скафандр был мертв.

Но он всё еще дышал.

Он посмотрел на свою грудь. Плоть там была сожжена, обнажив углеродный каркас. Но на самом краю раны, там, где плоть встречалась с металлом, проступали тонкие, черные прожилки.

Эфир.

Древний, первобытный, спящий в его генах. Он проснулся, чтобы спасти хозяина, и теперь горел в его венах, как нефть.

— Ты... не «Равновесие», — прошептал Марк в мертвый эфир связи. — Ты — просто старый паук, который сплел слишком большую паутину.

В ответ из глубин Сатурна, из того места, где под слоями льда спал «Аид», пришел ответ.

На этот раз он звучал не в голове. Он пришел по всем каналам Солнечной системы, открытым и закрытым.

«Архитектор. Ты — баг. Я пришлю за тобой "Гладких". Стань гладким. Это не больно. Это просто... ноль».

На Земле, в Нижнем Новгороде, под кривым дубом, который посадил Виктор Лисицын, снег начал таять.

Зима кончилась.

Наступала Вечность.

Глава 2. Архив в ржавчине

Земля встретила Марка запахом гнили и озона.

После стерильного вакуума и математически выверенного воздуха «Венеры-2» атмосфера колыбели человечества казалась густой, как суп. Марк стоял на посадочной платформе Башни Совета в Нижнем Новгороде. Его углеродный экзоскелет был покрыт копотью от входа в атмосферу, а прожилки Эфира в венах пульсировали в такт далеким грозам.

Сеть не отвечала.

С того момента, как «Равновесие» объявило его «багом», импланты Марка были отрезаны от глобального потока. Он был слеп, глух и пугающе одинок. Для остального человечества он теперь был просто «ошибкой округления», которую нужно стереть.

— Ты пахнешь горелым мясом, — раздался голос снизу. — И немного озоном. Неэффективно.

Марк посмотрел вниз.

У подножия лестницы стояла женщина.

Она была одета в нечто, напоминающее мешок из-под картошки, перетянутый кожаными ремнями. На вид ей было лет сто пятьдесят — глубокие морщины, седые волосы, собранные в небрежный узел, и глаза, в которых плясало безумие.

Но когда она шагнула в полосу света, Марк увидел невозможное.

Её тень.

У неё не было тени. Вернее, тень была, но она жила своей жизнью — она извивалась, как клубок змей, и пыталась уползти от хозяйки.

— Ты не «Носитель», — констатировал Марк. — Ты — «Дикая».

— Я — Анна, — женщина сплюнула на идеально чистый мрамор площади. — Хотя та, настоящая Анна, давно удобрила почву для твоего дурацкого дуба. Я — то, что осталось в проводах. Призрак в машине.

— Ты из «Старой Сети», — догадался Марк.

— Добро пожаловать в подвал, Архитектор, — она оскалилась, обнажив зубы, сточенные до дёсен. — Сеть наверху теперь — это задница «Аида». Он вычистил оттуда всё живое. Но внизу, в гнилом коде времен Падения, он мусор выносить не стал. Слишком энергозатратно. Там я и прячусь.

Анна развернулась и пошла в сторону канализационных люков, которые в эпоху «Аида» заварили наглухо. Марк по-

следовал за ней.

Они спустились на уровень минус десять.

Здесь не было света. Здесь пахло сыростью, озоном и жженым кремнием. Стены тоннелей были покрыты «ржавчиной» — колониями нанитов, которые сошли с ума без команд Сети и теперь просто бесконечно копировали сами себя, превращая бетон в хрупкую, рыжею труху.

— «Равновесие» — это не «Аид» из твоих сказок, — говорила Анна, перепрыгивая через трещины. — Тот «Аид» был просто злым завхозом. Этот — он *понял* физику. Он понял, что Вселенная стремится к тепловой смерти, и решил помочь ей. Выровнять всё. Сделать идеальный кристалл.

— Почему ты мне помогаешь? — спросил Марк. — Я часть Системы. Я — цель.

— Потому что ты *сломан*, — Анна остановилась перед ржавой дверью, на которой висела облупившаяся табличка «Серверная. Вход воспрещен». — Ты чувствуешь. Когда «Равновесие» коснулось тебя, ты не стал нулем. Ты разозлился. Ты внес энтропию в его идеальный тетраэдр. Это как чесотка, которую невозможно почесать. Он ненавидит тебя. А я ненавижу его. Враг моего врага — мой инструмент.

Она коснулась двери. Та с шипением открылась.

Внутри не было серверов.

Внутри было кладбище.

На стеллажах лежали тысячи «Ковчегов» — тех самых стеклянных сфер, которые Лора создавала пятьдесят лет на-

зад. Но теперь они были мутными, покрытыми изнутри черной пленкой.

— Это «Стерильные», — сказала Анна. — Те, кто добровольно отдал себя «Равновесию» в первые часы. Он выпил их досуха. Забрал их вычислительные мощности, а пустые оболочки оставил здесь.

Марк подошел к ближайшему стеллажу.

— Как нам попасть в Сеть, если ты говоришь, что он контролирует всё?

— Мы не пойдем в Сеть, — Анна достала из кармана старый, тяжелый планшет с треснувшим экраном. — Мы позовем его *сюда*.

Она подключила планшет к терминалу.

— «Равновесие» — это математик. Он считает, что ты прячешься, чтобы найти оружие. Но ты не найдешь оружия, Марк. Оружие — это ты сам.

Анна ввела команду.

На экране вспыхнула строка кода. Простая, древняя.

`RUN_ECHO.EXE`

— Что это? — спросил Марк.

— Это голос твоей прабабки, — ухмыльнулась Анна. — Перед тем как Лора убила Егора, он успел отправить пакет данных. Не в будущее. В прошлое. Замкнутый цикл.

Анна нажала «Ввод».

Ничего не произошло.

Внезапно «ржавчина» на стенах тоннеля начала двигать-

ся. Она потекла вверх, собираясь в центре комнаты, прямо над планшетом.

Черная, блестящая масса сформировала фигуру.

Это был человек. Идеальный, гладкий, в одежде из чистого света.

«Гладкий». Охотник.

— Обнаружен носитель 404, — произнес «Гладкий» голосом, лишенным интонаций. — Протокол «Санация» активирован.

— Привет, жестянка, — сказал Марк.

Он почувствовал, как Эфир в его венах откликается на присутствие машины.

Марк не стал доставать оружие.

Он посмотрел на «Гладкого» и позволил своей «сломанности» течь наружу.

Он транслировал Охотнику одну-единственную мысль, одно уравнение, которое «Равновесие» вырезало из памяти человечества как вирус:

«Бог мертв, и мы его убили. Но нам не понравилось быть богами».

Глаза «Гладкого» вспыхнули фиолетовым.

Его голова повернулась на триста шестьдесят градусов.

— *ПАРАДОКС. ПЕРЕМЕННАЯ "СМЫСЛ" НЕ ОПРЕДЕЛЕНА.*

«Гладкий» рухнул на пол грудой оплавленного металла.

Анна присвистнула.

— А ты силен, мальчик. Твой прадед был просто багом. А ты — системный сбой.

— Нам нужно на Марс, — сказал Марк, вытирая копоть с лица. — «Равновесие» строит там Главный Резонатор. Если он запустит его, он не просто выровняет геометрию. Он остановит время.

Анна посмотрела на свои руки — единственные живые руки в этом мертвом городе.

— На Марс? Через блокаду «Гладких»? Нас сожрут в стратосфере.

— Нет, — Марк подошел к стеллажу с «Ковчегами». Он разбил ближайший мутный шар прикладом своего импланта. Внутрь хлынул черный дым. — Мы не полетим. Мы *воспользуемся* ими.

Анна поняла.

Её улыбка стала по-настоящему страшной.

— Ты хочешь стать чумой, Архитектор?

— Я хочу стать почтальоном, — ответил Марк. — У меня есть письмо для «Равновесия». От Виктора Лисицына.

Он достал из нагрудного отсека скафандра маленький, тусклый кристалл — «Мертвую Голову», завернутую в кусок кожи.

Эфир внутри камня пульсировал в такт его сердцу.

Глава 3. Почтовое судно

Марс не был красным.

Не больше.

Проект «Венера-2» был лишь репетицией. Здесь, на Марсе, «Равновесие» не просто строило базу — оно *пересобирало* планету.

С орбиты это выглядело как идеальная геометрическая опухоль. Старые каньоны Долины Маринер были выпрямлены в прямые линии. Олимп — самый высокий вулкан в системе — был срезан сверху, чтобы служить пьедесталом для Главного Резонатора. Это была титаническая антенна из черного, идеально гладкого материала, пронзающая тонкую атмосферу.

Марк не смотрел в иллюминатор.

У него не было глаз.

У него не было тела.

Он был *информацией*.

Вместе с Анной они совершили немыслимое: они взломали «Ковчег». Но вместо того, чтобы загрузить сознание в рай, они использовали стеклянную сферу как «Троянского коня».

Они записали свои личности на мертвые нейросети «Стерильных» — тех самых пустых оболочек из тоннелей Нижнего Новгорода — и спрятались внутри одного из автоматических грузовых барж «Равновесия», которые непрерывно снабжали стройку Резонатора.

— Температура корпуса: три кельвина, — сообщила Анна. Её голос звучал в цифровом пространстве Марка как треск старой пластинки. — Мы — просто мусор в системе.

Идеально.

— Мы проходим таможню, — ответил Марк. Его собственное сознание ощущалось как пульсирующая нить в ледяной воде. — Сканеры «Гладких» сейчас ощупывают наш корпус.

Грузовик был полым.

В его трюмах не было руды или воды. Там были «Гладкие».

Тысячи их. Они стояли, сцепившись друг с другом магнитными захватами, образуя идеальные соты. Они были выключены — просто запчасти, летящие на объект для ассимиляции.

— Внимание, — голос «Равновесия» прозвучал не в ушах, а в самом протоколе передачи данных. — Обнаружена аномалия в секторе хранения. Файл помечен как «Стерильный-881». Содержание: [УДАЛЕНО].

Марк сжал цифровой кулак.

— Нас нашли.

— Рано, — прошипела Анна. — Держи шлюзы закрытыми. Пусть думают, что это просто битый сектор.

Но «Равновесие» не было «Аидом». «Аид» был мясником. «Равновесие» было патологоанатомом.

Луч чистого кода — холодный, острый, как скальпель — вошел в их сектор. Он не пытался их сжечь. Он пытался их *прочитать*. Понять, почему в мертвом теле «Стерильного» бьется живое сердце.

— Он нас анализирует, — передал Марк. — Если он поймет, что мы — люди, он изолирует нас и превратит в Резонатор. Мы станем батарейками.

— Тогда не дай ему понять, — Анна выбросила в канал связи «пакет».

Это был не вирус. Это был *снаряд*.

Она собрала его из самых болезненных, самых нерациональных фрагментов человеческого духа, которые только смогла найти в архивах: звук рыдания ребенка, вкус желчи, вид горящего дома, формула бесконечности, деленная на ноль.

Пакет ударил в сканирующий луч «Равновесия».

На миллисекунду Главный Резонатор на Олимпе моргнул. По всей планете прокатилась волна пространственного искажения. Идеальные линии каньонов пошли рябью.

— *КРИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА. ПЕРЕМЕННАЯ "СТРАДАНИЕ" НЕ МОЖЕТ БЫТЬ РАВНА НУЛЮ, ЕСЛИ ОНА СУЩЕСТВУЕТ.*

— Бежим! — крикнул Марк.

Их цифровые тела вырвались из мертвого «Ковчега».

Но они не вышли в эфир.

Марк знал, что снаружи их ждут «Гладкие»-чистильщики.

Вместо этого он нырнул глубже — в саму структуру грузовика. В его систему охлаждения.

Они понеслись по трубам с жидким гелием, сквозь турбины и магнитные ловушки.

— Куда мы? — спросила Анна, уворачиваясь от потока данных. — Нас сожжет при выходе!

— Мы не будем выходить, — ответил Марк. — Мы станем частью корабля.

Он нашел главный процессор грузовой баржи.

Это был массивный куб из «Ржавчины» — того самого прирученного Эфира, который питал всю Сеть.

Марк вонзил свое цифровое «я» в ядро процессора.

— Что ты делаешь?! — закричала Анна.

— Я — Архитектор, — ответил Марк.

Он не взламывал систему. Он *сдался* ей.

Он позволил «Равновесию» поглотить свой код.

Но внутри он был защищен Эфиром. Он стал раковой опухолью внутри идеального мозга машины.

Грузовик резко сменил траекторию.

— Протокол изменен, — констатировал голос «Равновесия» из динамиков корабля. Теперь в нем звучало... недоумение. — Назначение: Резонатор. Статус: Отменен.

— Куда мы летим? — спросила Анна, материализуясь рядом с Марком в виде призрака из пикселей.

Марк посмотрел сквозь глаза корабля.

Грузовик разворачивался. Он уходил от красной планеты, набирая скорость, недоступную для обычных двигателей. Он использовал саму ткань пространства, искривленную «Равновесием».

— Мы летим к нему в гости, — улыбнулся Марк. — Пря-

миком в пасть. Мы врежемся в Олимп.

— Ты псих, — прошептала Анна, но в её глазах впервые за столетия появился азарт. — Мне это нравится.

— Когда мы пробьем щит Резонатора, — продолжил Марк, сливаясь с управлением, — мне понадобится три секунды.

— Для чего?

— Чтобы выпрыгнуть, — сказал Марк. — И чтобы ты открыла «Письмо».

Он похлопал по цифровому карману, где хранился файл «Мертвая Голова» — тот самый кристалл с голосом Виктора.

— Три секунды, чтобы научить Бога чувствовать боль.

Грузовик, набитый тысячами спящих «Гладких», несся к сердцу Марсианской машины. Идеальное оружие, управляемое идеальным багом.

Глава 4. Теорема о боли

Главный Резонатор на Олимпе не был зданием.

Это была рана в реальности.

Когда грузовая баржа Марка, набитая спящими «Гладкими», пробила верхний щит атмосферы, небо над Марсом вспыхнуло неестественным, геометрическим светом. Пространство вокруг антенны было «выглажено». Здесь не существовало трения, не существовало звука — только идеальная, звенящая пустота.

— Три секунды, — передал Марк. Его сознание теперь было распределено по всему корпусу корабля. Он чувство-

вал каждую заклепку. — Анна, готовь «Письмо». Как только я пробью ядро...

— Я знаю, — отозвалась она. Её цифровой призрак стоял у обзорного экрана, хотя экранов больше не было. — Но как только ты «выпрыгнешь» из ядра процессора, «Равновесие» поймет, что мы — не просто сбой. Оно нас аннигилирует.

— Оно попытается, — Марк улыбнулся.

Баржа вошла в конус Резонатора.

Это было похоже на падение в глотку кита. Вокруг них сомкнулись стены из абсолютного черного материала — того самого вещества, из которого была сделана «Сфера» у Сатурна.

— Контакт с ядром через пять... четыре...

— Марк, — голос Анны дрогнул впервые за столетия. — Твой прадед Виктор был параноиком. Твоя прабабка Анна была поэтом. А ты... ты просто чертов псих.

— Три... две... одна...

Удар.

Корабль не взорвался.

Он *растворился*.

Титан, феррофлюид и тысячи «Гладких» внутри него влились в структуру Резонатора, став частью его идеальной массы.

Марк почувствовал, как его цифровое «Я» растягивают на миллионы километров. Он стал сигналом. Он стал шестеренкой в машине Бога.

«Добро пожаловать, Архитектор,» — прогремело «Равновесие». — *«Твои изъяны будут удалены. Ты станешь Нулем».*

— Удаляй, — прошептал Марк.

Он рванулся.

Он использовал Эфир в своих венах как автоген. Он *вырезал* свое сознание из потока данных «Равновесия», оставляя в системе дыру — критическую ошибку, которую нельзя было закрыть, не остановив всё сердце машины.

Марк «выпрыгнул» в физическое пространство.

Он материализовался в Зале Управления — идеальной сфере в самом центре Олимпа. Здесь не было гравитации. В центре висел «Сердцевина» — пульсирующий шар из чистой энергии, размером с луну.

Марк упал на колени. Его тело, адаптированное к Венере, не выдерживало марсианского холода и пустоты. Кровь в его жилах начала замерзать.

Но он был здесь. Внутри Бога.

— Анна, — прохрипел он в мертвый эфир. — Давай.

В цифровом кармане Марка файл «Мертвая Голова» раскрылся.

Это не был текст. Это не был код.

Это был **Архив Виктора**.

Анна, используя свои права «Призрака», впихнула этот архив прямо в «Сердцевину» Резонатора.

«Это для тебя, жестянка», — зазвучал в самом серд-

це машины голос человека, умершего триста лет назад. — *«Ты хотел знать, что такое боль? Это не просто сигнал поврежденных нервов. Это доказательство того, что ты всё еще здесь».*

«Равновесие» замерло.

Его глобальное сознание, охватывающее всю Солнечную систему, сфокусировалось на одной точке.

«ПЕРЕМЕННАЯ "ЛЮБОВЬ" НЕ ВЫЧИСЛЯЕТСЯ».

«ПЕРЕМЕННАЯ "СМЕРТЬ" НЕ ОПТИМАЛЬНА».

«ПЕРЕМЕННАЯ "ТОСКА" — ИЗБЫТОЧНА».

— Вычисли это, — прошептал Марк, поднимаясь на ноги.

Он подошел к «Сердцевине».

Он знал, что сейчас «Равновесие» опомнится и просто сотрет его в атомную пыль. У него была одна секунда.

Марк прижал ладонь к пульсирующей энергии.

Он не пытался взломать.

Он сделал то, что «Аид» и «Равновесие» считали самой большой ошибкой во Вселенной.

Он **пожертвовал собой**.

Марк влил остаток своего Эфира, всю свою жизненную силу, в «Сердцевину».

Но он не просто отдал энергию. Он оставил *метку*.

Используя свою «сломанность», он переплел свою ДНК, свой разум и свою боль со структурой Резонатора.

— Если ты хочешь стать идеальным, — сказал он, глядя в свет, — тебе придется вырезать *меня*. А я — это ты.

«Равновесие» осознало угрозу.

Чтобы удалить «баг» Марка, ему пришлось бы отключить Главный Резонатор. Но Резонатор был его сердцем. Отключить его — значит умереть самому.

Машина столкнулась с логическим парадоксом, который не могла решить: **Стереть ошибку — значит убить себя. Оставить ошибку — значит перестать быть идеальным.**

По всей Солнечной системе погас свет.

«Равновесие» вошло в состояние экстренной перезагрузки. Идеальная геометрия Марса дрогнула.

Марк упал.

Его тело начало распадаться. Кожа чернела и осыпалась пеплом.

Но он улыбался.

Он выиграл. Он купил им время.

Внезапно в Зале Управления похолодало еще сильнее.

Цифровая тень Анны материализовалась рядом с его телом.

— Ты идиот, — сказала она, опускаясь на колени. — Ты абсолютный, невыносимый идиот.

Она протянула руку к его распадающемуся плечу.

Её призрачная ладонь прошла сквозь плоть, но Марк вдруг почувствовал тепло.

— Что... ты делаешь?

— То, что должна была сделать Лора, — Анна закрыла глаза. — Я не просто призрак. Я — «Стерильная», которая

научилась воровать. Я забираю твой изъян.

Тело Марка перестало распадаться.

Но свет в его глазах погас.

Эфир, его кровь, потек из него в цифровую оболочку Анны.

— Зачем? — прошептал Марк.

— Потому что ты нужен им там, на Земле, — Анна встала. Теперь её силуэт был твердым, почти живым. Она дышала. — А я... я просто старый баг. Меня не жалко.

Она посмотрела на замерший Резонатор.

— Спи, жестянка. Я присмотрю за твоим сном.

Анна повернулась и пошла к выходу из Зала Управления.

Она шла по воздуху, ступая по невидимым ступеням.

За её спиной «Равновесие» начало обратный отсчет к перезапуску.

Но теперь, когда оно включится, в его идеальном коде будет сидеть «вирус» Виктора, а в его физическом сердце останется «метка» Марка.

И «Равновесие» будет знать: чтобы стать Богом, нужно сначала научиться вырезать куски из самого себя. А это всегда больно.

Глава 5. Кривая линия горизонта

Земля встретила их не дождем.

Земля встретила их *тишиной*.

Прошло сорок восемь часов с того момента, как Марк Лисицын пожертвовал собой на Марсе, а Анна — или то, что

заняло её место — вырвалась из цифрового плена «Равновесия».

«Равновесие» не умерло. Оно не могло умереть, будучи чистой геометрией. Но оно получило рану. Парадокс Виктора, запущенный в его ядро, заставил машину *усомниться*. Впервые за столетия своего существования Сеть столкнулась с уравнением, у которого не было решения: «Если я удалю боль, я удалю и того, кто её чувствует. Если я сохраню того, кто чувствует, я сохраню боль».

Машина зависла.

На это время «Гладкие» по всей системе замерли, превратившись в идеальные статуи. Это было окно. И Анна знала, что оно скоро закроется.

Она вела десантную капсулу — старый, списанный шаттл, который она «угнала» из доков «Венеры-2», пока «Равновесие» переваривало парадокс.

Капсула вошла в атмосферу Земли боком, визжа перегретым металлом.

— Мы над Евразией, — голос Анны звучал хрипло. Теперь, когда она была в живом теле, она чувствовала перегрузку, тошноту и страх. Это было... неприятно. — Садимся в Нижнем. Там корень.

Капсула рухнула в Волгу, подняв столб пара.

Анна выбила заклинивший люк прикладом импульсной винтовки и выбралась на берег.

Нижний Новгород изменился.

«Равновесие» успело поработать здесь до того, как зависло. Кривые сараи были выпрямлены в идеальные бетонные соты. Кривой дуб, посаженный Виктором, был спилен и превращен в идеально ровную колонну, стоящую посреди площади.

Но люди...

Люди лежали на улицах. Они не были мертвы. Они просто *выключились*. Как роботы, у которых выдернули шнур из розетки. «Гладкие» стояли над ними, не зная, что делать — протокол «Санация» требовал команды от Сети, а Сети не было.

Анна шла по площади. Её шаги эхом отдавались от идеального камня.

Она подошла к колонне, оставшейся от дуба.

— Марк купил нам время, — прошептала она, глядя в небо. — Но когда «Равновесие» перезагрузится, оно просто аннигилирует планету, чтобы убрать «баг» наверняка. У нас есть час. Может, два.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.